Учитывая ранги изначальной силы всех этих дворян и министров на месте собрания, голос слуги просто не мог ускользнуть от их ушей, насколько бы низко опущен он ни был. Только Его Величество вёл себя столь открыто, что у них не нашлось причин для подслушивания.

На лице Сияющего Императора царило спокойствие и невозмутимость, словно ему зачитывали самый обыкновенный доклад. Казалось бы, он всё понял и не просил повторять сказанное, несмотря на неразборчивость голоса слуги:

– Подошли ли они ему? Он сказал, что хочет что-либо ещё?

Посыльный замер, как сломанная кукла, он не ожидал от императора подобного равнодушия к содержимому его доклада. Он пришёл сообщить о передвижениях Линь Ситана, потому что не мог доставить порученное в резиденцию Чжан Боцяня. Разумеется, у него не было ответа на этот вопрос.

Не услышав ответа, император переспросил:

– Ммм?

Слуга слегка встревожился. Он поклонился ещё ниже и сказал тихим голосом:

– Я не доставлял их… документы внутри, разве они не будут там неуместны?

Сияющий Император холодно спросил:

– Разве плохо, что мой премьер-министр читает официальные бумаги и отчеты о сражениях?

Слуга был весь в холодном поту. Голос императора был мягок, даже лёгок, но все услышали его на словах “мой премьер-министр”.

Посыльный понятия не имел, почему император раскрыл этот вопрос здесь, при собрании, отчего начал потеть ещё сильнее. Он всегда считал, что разделение дел кабинета министров и резиденции небесного монарха – неизменная традиция. Кто же знал, что император решит задать такой вопрос?

На самом деле большинство министров уже догадались, что речь шла о Линь Ситане. Как мог император выслушивать новости о любом другом герцоге во время официальных дел?

Однако было трудно понять волю правителя, да и в головах министров невольно начали вспоминать о делах прошлого дня.

Титул “учителя императора” освобождал человека от смертной казни, но в то же время отстранял маршала от всех военных полномочий. Теперь его территории и титул принадлежали людям Дома Чжао.

Еще пару лет назад повстанцы свирепствовали на Западном Континенте и даже зашли столь далеко, что вступили в сговор с тёмными расами для нападения на клан Чжао. Именно Линь Ситан подавил их, и, поскольку все остальные его территории были мирными, маршал пребывал на Западном Континенте в течение пяти лет. Между лордами всегда были небольшие трения по поводу территориальных споров, поэтому натянутость отношений между Линь Ситаном и Домом Чжао была вполне естественна.

Решение императора передать территории Западного Континента Линь Ситана Чжао стало

часто обсуждаемой темой. Лорды и министры были людьми хитрыми: даже когда Его Величество начал задавать вопросы, они, как ни в чём ни бывало, делали свои дела, либо болтали, либо что-то записывали, ничего при этом не слыша.

Только вот император в следующий миг равнодушно выдал:

– Думаю, в этом Городе Откровений просто нет места, куда бы не мог пойти премьер-министр Империи Линь. Лавровый Дворец излишне беспокоится об этом.

От этих слов весь зал замер. Голос Сияющего Императора был спокоен и даже нежен, но, если они продолжат притворяться, что не слышат его, притворство станет чересчур очевидно.

Слуга упал на колени, весь бледный как полотно, его губы дрожали, словно от ледяного бурана. Всё это время Его Величество ни на каплю не изменился в своём мягком и скромном выражении. Боковая дверь зала тихо открылась, и несколько фигур утащило посыльного. Хранитель Зала Волн вошёл и торжественно встал рядом с императором.

Тот тихо проговорил:

– Скажи Императрице, чтобы она хорошо разбиралась со своими делами, и не позволяй никому предстать передо мной. Если они не смогут вспомнить тот факт, что императорский гарем не должен участвовать в политике, они могут повторить эту фразу сто восемьдесят раз подряд.

После того, как хранитель зала удалился, Сияющий Император вновь начал листать книги.

Государственные служащие, имевшие занятие, вновь уткнулись в свои документы, сосредоточившись на том, чтобы сделать свой почерк как можно более сложным и выточенным.

Дворяне, с другой стороны, чувствовали царившую в зале неловкость, неторопливые беседы теперь казались им неуместными. Император по очереди упомянул Императрицу Ли и наложницу Чжао из Лаврового Дворца. Так уж вышло, что здесь присутствовали люди как из клана Цзинтан Ли, так и из Дома Глотающего Облако Чжао.

Маркиз Ванхай, Ли Тяньши чувствовал себя несколько лучше, ибо предостерегательные слова в отношении Императрицы Ли были сдержанными и двусмысленными. Он мог спокойно думать о своей семье как о несчастной жертве.

К тому же Ли Тяньши был весьма молод в сравнении с лордами других кланов, которым было за пятьдесят. Когда над ним насмехались, ему не было столь неловко.

Герцогу Янь, с другой стороны, было трудно сохранять самообладание. Поскольку Чжао Вэйхуан наблюдал за Западным Континентом, а Герцог Ю участвовал в битве на Пустотном Континенте, общественные дела вроде похорон небесного монарха и присвоения Герцогу Чжао титула маршала оставили на него.

Имея трех герцогов и одного маршала, Дом Чжао теперь мог стоять плечом к плечу с Домом Зелёное Солнце Чжан. Мягко говоря, подобное внимание непросто было выдержать.

Герцог Янь чувствовал, что вчерашний день был даже более утомителен, чем бой, ведомый целые сутки. Он никогда бы не подумал, что столкнётся с чем-то подобным на этом малом собрании по гражданским вопросам.

Получилось определённо неподобающе: вмешательство в политику и создание приближённых к Императору пешек ещё можно было проигнорировать до поры до времени. Крупные аристократы не стали бы открыто издеваться друг над другом.

Но какой был смысл цепляться за дела Линь Ситана? Да и метод какой грубый: послали слугу прямо в зал, полный дворян и министров, чтобы сообщить о том, как Линь Ситан отправился в резиденцию некоего монарха.

Погодите... резиденция некоего монарха? Какого именно?

Эта проблема эхом раздалась в сознании каждого дворянина. Если наложница Чжао подняла этот вопрос, монарх не мог быть абы каким. По меньшей мере это должен быть тот, кто разозлил Сияющего Императора. Посыльный слуга не осмеливался “проговориться”, да и Его Величество, намеренно или нет, избегал любого упоминания об этом. Вот это уже был интересный поворот событий.

Что бы это могло значить? Присматривал ли клан Чжао за позицией императрицы, или они просто проявляли интерес к людям на месте событий?

Столкнувшись с этими многозначительными взглядами, Герцог Янь почувствовал внезапное желание снести дома некоторых стариков на Западном Континенте! В прошлом неудовлетворённый клан Чжао отправил потомка во дворец в качестве наложницы, и сейчас это аукнулось подобно отскочившему от стены камню.

Та леди из клана Чжао была дочерью малой ветви из рода Герцога Ю. Такой человек просто не мог затмить других благородных леди, воспитанных в куда большей изысканности. Случилось так, что эта девушка доверяла нескольким старейшинам из клана, из-за чего уже не в первый раз пыталась причинить неприятности Линь Ситану по их совету.

В прошлом всё было в порядке: многие аристократы были недовольны маршалом, обладавшим как гражданской, так и военной властью, да в придачу ещё и продвигавшим людей с низов. Однако сейчас Герцогу Янь не терпелось спросить этих старых чудаков, кого, черт возьми, Линь Ситан спровоцировал, что они дошли до такого.

К тому же, уже было совершенно ясно, что император вводил других в заблуждение. С ним в принципе нелегко было иметь дело! Его Величество никогда не ссорился со своим гаремом в прошлом, но теперь его осторожность словно улетучилась. Что же касается того, позволит ли император Линь Ситану иметь большую власть, то один только титул “учителя императора” говорил о большой поддержке.

Герцог Янь очень сожалел, что тогда он не полностью поддержал Герцога Ю, тем самым позволив остальным старейшинам клана уладить вопросы в отношении императорского гарема. Не было никакого смысла посылать кого-либо во дворец только для того, чтобы занять там место.

Дом Чжао наслаждался тысячелетней славой, основанной на храбрости и самопожертвовании своих потомков. Супружеские отношения с императорской семьей были сродни золочению лепестков лилии, а не корнем клана!

Герцог Янь сидел прямо, как сосна, положив обе руки на колени. Некуда было выплеснуть гнев, бушевавший в его груди.

Чжан Боцянь, всё это время стоявший спиной ко всем, повернулся и сказал:

– Я возражаю против предложения Дома Высокогорье Сун не понижать их наследные титулы. Любой передаваемый титул зависит от множества факторов, таких как индивидуальная сила и личные, а также семейные достижения, не говоря уже о столь важных позициях, как герцог. Если так хочется, чтобы молодое поколение сохранило вашу фамилию, помните, что они впоследствии могут повыситься в звании при наличии должного вклада.

Выбросив огромную бомбу, Чжан Боцянь кивнул императору в знак приветствия и покинул зал.

Этот вопрос только недавно обсуждали на собрании, но к какому-либо исходу не пришли, и небесный монарх тогда не высказал своего мнения. Конфликт между кланами Чжан и Сун длился уже многие годы, и потому лорды подобное странным не находили. Однако им казалось, что предложение Чжан Боцяня имело высокие шансы на успех.

Всё потому, что земли нынешнего Дома Сун были отрезаны от их основных территорий, а также из-за их хороших отношений с их гарантом, Принцем Жуй. Эта так называемая отмена в понижении титулов должна была продлиться всего поколение, и потому остальные аристократы были не против оказать влиятельной фигуре услугу. К тому же знати было немного жаль наблюдать за тем, как столь крупный клан рушится под собственным весом. Кто бы мог подумать, что Чжан Боцянь нарушит свое затянувшееся молчание в этот неловкий момент, а затем уйдет, оставив позади своё мнение?

Все лорды были старыми лисами и знали немало. Некоторые из них сразу же устремили взгляды на Герцога Янь. Теперь, когда им напомнили, семья Принца Жуй по материнской линии происходила из клана Чжао, а в клане Сун были определённые ветви, довольно усердно пытавшиеся угодить Чжао.

Неужели Принц Зелёное Солнце просто набросился на Дом Сун, пока тот слаб? Или клан Чжан, наконец, решил сразиться с кланом Чжао за первое место?

За жемчужными занавесками император внезапно поднял взгляд и сказал:

– Поскольку Монарх Чжан уже высказал своё мнение, все министры должны перейти к голосованию касательно этого вопроса! В конце концов, это первый раз, когда подобное дело ведётся в отношении аристократии. Нет ничего плохого в том, если решение примет императорский клан.

Лорды кланов на мгновение замерли. Даже самые проницательные интриганы не могли не заметить, что выдают свои мысли. Они никогда так сильно не надеялись, что Его Величество самолично примет решение, как диктатор.

…

Чжан Боцяня не волновало происходящее в Зале Волн. Несколько мгновений спустя он уже стоял у входа своей резиденции, но его шаг вскоре замедлился и, наконец, остановился на небольшой площадке перед вторым залом. Он простоял там весьма долго.

Мужчина был столь долго неподвижен, что тень у его ног заметно изменилась в угле наклона, столь долго, что можно было разглядеть фигуру слуги, спешащего на кухню с указом готовить ужин.

Только тогда Чжан Боцянь пришел в себя и позвал дворецкого. Последний почтительно поклонился и сказал:

– Герцог прибыл днем и с тех пор отдыхал в небольшом кабинете в заднем здании.

Мужчина кивнул и уже сделал шаг в сторону.

В этот момент слуга спросил:

– Принц, мне приготовить ужин для вас двоих в боковом зале?

Чжан Боцянь остановился на некоторое время, прежде чем сказать:

– Не нужно, у него есть другие дела на ночь, – с этими словами он сделал шаг вперед и исчез среди зданий.

Небесный монарх толкнул резную дверь небольшого кабинета, и, как и ожидалось, никого внутри не встретил.

Ауры того человека здесь не было. На самом деле ещё при входе в резиденцию Чжан Боцянь не почувствовал его присутствия. Даже если его могущественные чувства охватят весь квартал, город или даже пустыню вдали, какой в этом был смысл?

На столе лежал открытый свиток, использованная для письма ручка ещё не была вымыта, лишь покоилась на подставке. Западное окно было приоткрыто, через него пышное хлопковое дерево протянуло одну из своих цветущих ветвей.

Чжан Боцянь подошел к столу и краем глаза подметил знакомый почерк.

“Я недостоин, торжества закончились, но мы не можем смотреть на налитые яблоки вместе".

ПП: строчка из классической китайской поэмы, сложно передать, но если коротко - что-то символизирующее братство и близкую к родственной связь

Свиток был придавлен продолговатым куском нефрита, на вид простым, светлого оттенка и бледного, почти желтоватого цвета. Прикосновение к поверхности доказывало, что камень не был цельным, а скорее представлял собой коробку с отверстием посередине. Это и вправду было “Перо Счастливых Предзнаменований”.

Чжан Боцянь как-то попросил у Линь Ситана одно из них, но оно вскоре оказалось уничтожено. Кто же знал, что вскоре маршал оставит ему ещё одно?

На лице небесного монарха ничего не дрогнуло, когда он поднял коробочку. Он повозился с ней некоторое время, прежде чем разразиться смешком:

– Эта вещь, оставленная тобой, твоя ли судьба или моя?

http://tl.rulate.ru/book/6036/1613716